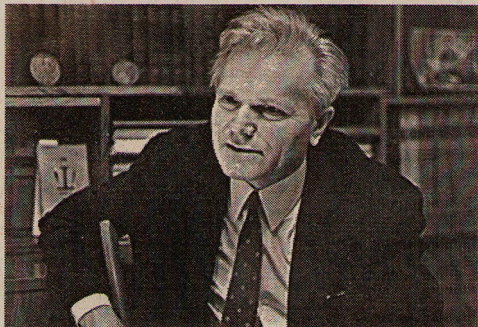

Наш календарь

Век. докв. - 1995 - 4 сент. - с. 6.

Молва

Прямой и ясной была жизнь моего доброго друга Афанасия Дмитриевича Салынского. И все же драматург этот унес с собой какую-то так до конца и не разгаданную театрами тайну. Салынский, как мне представляется, был абсолютно «непохож» на свои пьесы. Создавалось странное ощущение, будто у него и у них — разное «выражение лица». Автор был в лучшем смысле этого понятия советским человеком, с честью прошедшим фронтовые дороги, свято верившим в идеалы Революции. А пьесы его не выглядели «советскими», хотя внешне все было в них «в порядке», и действовали в сюжете неизменные «дель-артовские» персонажи тогдашней драматической литературы. Но словно под лучами рентгена просвечивались в драмах Салынского вторые и третьи планы, далекие от первоначального «идеологического» замысла. Планы, как бы подсознательно выражающие ту часть души художника, которую, возможно, не знал и он сам, обретающие свою реальность подчас не в жизни, а именно в искусстве. За всеми более или менее привычными сюжетами высвечивалась собственная тема этого писателя, его особая душевная боль.

Своей темой была для Салынского тема «человека и маски», их драматической неслиянности, их роковой слиянности. Как поведет себя человек, носящий маску, что заставляет его делать это — благородство или порок, а, быть может, иначе и вовсе нельзя существовать в условиях тоталитарного общества — вот поистине вечные вопросы, волновавшие литератора. Герои почти всех пьес Салынского поставлены волей обстоятельств как бы в собственное небытие; чтобы как можно глубже погрузить своего героя в «двойничество», писатель выбирает подчас самое небытийное бытие — смерть. Ведь она тоже последняя прижизненная маска.

Поистине триумфального успеха достиг писатель, когда в счастливую минуту написал пьесу «Барабанщица», в которой так полно, так смело этого тревожного аспекта загадочного художественного почерка драматурга. Когда ясный вроде бы первый план становится лишь подмалевкой куда более глубинных проявлений. Когда банальная вроде бы ситуация — разведчик в тылу врага — неожиданно искрит «федоро-достоевской», «леони-андреевской» близостью. Но и

эта тема — личность и личина — не исчерпывает всей многослойности сюжетов и характеров в пьесах Салынского. Есть у него еще одна, самая беспокойная мысль: а как относятся окружающие к странным не сразу и не всегда понятным героям его драм, к людям таинственного душевного «маскарада». Как правило, многие быстро верят в измену, в порочные дела даже тех, кого они долго и хорошо знают. Не стремятся постичь трагедийную объемность тех или иных непривычных судеб. Соглашаются с общепринятой моралью: «дыма без огня не бывает». Подобное легковерие бесконечно пугало драматурга. Он, как видно, понимал всю его опасность в разрушении нравственных основ общества. И действительно, не научившись верить в людей, можно незаметно для себя помогать диктаторам и тиранам в их бесконечных «охотах на ведьмы». А именно так и бывало в нашей стране. Стоило обвинить кого-либо в политических ошибках, как уже разъяренный народ сам рвался убить «предателя». Духовное зрение подчас выше самой неотразимой реальности, так думал в своем творчестве Салынский. Именно поэтому его пьесы не были сиюминутно «советскими», в них таился вызов стадности, единомыслию, расхожей обывательской морали — раз арестовали, значит, было за что...

Вспомним и еще об одной замечательной пьесе Салынского — «Летние прогулки», где особенно виден как бы синтезированный художественный прием драматурга. Герой пьесы — выдающийся ученый не только маскируется под рядового служащего, но еще и умирает перед началом действия. Человека как бы нет при жизни «наполовину», иначе не сохранить свою индивидуальность, а потом нет его и совсем. Но развивается «пост-судьба», «пост-биография» особого характера, в котором драматург сумел предощутить тогда еще не сформулированное до конца такое явление, как диссидентство, духовный уход от государственной идеологии.

Если присоединить к «Барабанщице» и «Летним прогулкам» еще и подлинно народную драму «Молва», можно сказать, что Салынский оставил сцене мощную трилогию-загадку, разгадка которой в горячей вере человеческому сердцу взамен холодного поклонения бессердечным идолам. Салынский был очень хорошим, порядочным человеком. Но как ни покажется это странным, мне не хочется перечислять факты: за кого-то он правильно голосовал, кому-то помог восстановить справедливость.

Помню, меня больно поразила развернувшаяся у его гроба «дискуссия»: действительно ли он так, а не иначе, вел себя на каком-то секретариате Союза писателей. Будто бы биография писателя и его творчество абсолютно тождественны. Наша горячая политизация подчас отлучает от жизни истинное искусство за те или иные общественные промахи. И напротив, возводит в титул искусства неталант лишь потому, что он достойно провел какие-либо гражданские бои. Слава Богу, что жизнь Салынского была безупречной. Но куда важнее, что российский театр знал в своей истории, будет, надеюсь, знать и дальше загадочно-серьезные, истинно художественные пьесы Салынского.

Инна ВИШНЕВСКАЯ